Эпистемология и философия науки
2026. Т. 63. № 3. С. 207–219
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2026, vol. 63, no. 3, pp. 207–219
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202663349

Мыслить с машинами: автоматизм, автономия и историческая эпистемология интеллекта

Беляева Ульяна Павловна – кандидат философских наук, доцент.
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Российская Федерация, 398020, г. Липецк, Ленина ул., д. 42;
e-mail: ulyana-sin@yandex.ru

Статья представляет собой аналитический обзор книги Дэвида У. Бейтса «Искусственная история естественного интеллекта: мышление с машинами от Декарта до цифровой эпохи» (2024), посвященной историческим условиям формирования современного понятия интеллекта. В центре обзора находится анализ исследовательской стратегии Бейтса, позволяющей проследить, как оппозиция естественного и искусственного интеллекта формировалась внутри длительной истории машинных, физиологических, кибернетических и технических моделей мышления. Методологически обзор опирается на проблемно-концептуальный анализ монографии, историко-философскую реконструкцию аргументации и сопоставление с исследованиями кибернетики, философии техники, распределенной когниции и предиктивной обработки. Показано, что Бейтс отказывается от линейной истории искусственного интеллекта и строит траекторию проблем: от картезианской физиологии, раннемодерновых теорий автомата и кантовской проблематики суждения к Бэббиджу, Лавлейс, психофизике, термодинамике, философской антропологии, кибернетике, Тьюрингу, теориям технической экстериоризации и моделям машинного обучения. Основной результат обзора состоит в выявлении эпистемологического значения тезиса Бейтса о том, что оппозиция естественного и искусственного интеллекта исторически производна. Машина здесь предстает не инструментом готового субъекта, а эпистемической фигурой, через которую разум делал наблюдаемыми собственные операции, ограничения и формы автономии. В заключение обосновывается, что книга Бейтса продуктивна для философии науки, поскольку позволяет рассматривать познание как историю материальных, телесных и технических моделей мышления. Одновременно отмечаются проблемные стороны работы: избирательность исторической композиции, недостаточная проясненность различия между человеческой нормотворческой автономией и машинной адаптивностью, а также ограниченность евроамериканской рамки исследования.

Ключевые слова: Дэвид У. Бейтс, историческая эпистемология, естественный интеллект, искусственный интеллект, автоматизм, автономия, кибернетика

© Беляева У.П., 2026

THINKING WITH MACHINES: AUTOMATISM, AUTONOMY, AND THE HISTORICAL EPISTEMOLOGY OF INTELLIGENCE

Ulyana P. Belyaeva –
PhD in Philosophy,
Associate Professor.
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky.
42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russian Federation;
e-mail: ulyana-sin@yandex.ru

The article presents an analytical review of David W. Bates's book *Artificial History of Natural Intelligence: Thinking with Machines from Descartes to the Digital Age* (2024), which examines the historical conditions for the formation of the modern concept of intelligence. The review focuses on an analysis of Bates's research strategy, which makes it possible to trace how the opposition between natural and artificial intelligence took shape within the long history of machine, physiological, cybernetic, and technical models of thought. Methodologically, the review draws on a problem-conceptual analysis of the monograph, a historical-philosophical reconstruction of its argumentation, and a comparison with studies in cybernetics, philosophy of technology, distributed cognition, and predictive processing. It is shown that Bates rejects a linear history of artificial intelligence and instead constructs a trajectory of problems: from Cartesian physiology, early modern theories of the automaton, and the Kantian problematic of judgment, to Babbage, Lovelace, psychophysics, thermodynamics, philosophical anthropology, cybernetics, Turing, theories of technical exteriorization, and models of machine learning. The main result of the review consists in identifying the epistemological significance of Bates's thesis that the opposition between natural and artificial intelligence is historically derivative. The machine here appears not as an instrument of a ready-made subject, but as an epistemic figure through which the mind made its own operations, limitations, and forms of autonomy observable. In conclusion, it is argued that Bates's book is productive for the philosophy of science, insofar as it allows cognition to be examined as a history of material, bodily, and technical models of thought. At the same time, problematic aspects of the work are noted: the selectivity of the historical composition, the insufficient clarification of the difference between human normative autonomy and machine adaptability, as well as the limitations of the Euro-American framework of the study.

Keywords: David W. Bates, historical epistemology, natural intelligence, artificial intelligence, automatism, autonomy, cybernetics

Книга Дэвида У. Бейтса *An Artificial History of Natural Intelligence: Thinking with Machines from Descartes to the Digital Age* [Bates, 2024], вышедшая в 2024 г., принадлежит к тому типу исследований, которые трудно отнести к одной дисциплинарной рубрике. Формально перед нами история идей, связанная с философией сознания, историей техники, кибернетикой и современными когнитивными науками. По существу же это историко-эпистемологическое исследование о том, как интеллект становился объектом знания через машинные, физиологические, технические и символические модели. Бейтс

пишет не историю искусственного интеллекта в привычном смысле и не очередное рассуждение о том, способна ли машина мыслить. Его предмет значительно сложнее: он реконструирует длительную историю взаимного моделирования человеческого разума и машины, в ходе которой сама оппозиция «естественного» и «искусственного» интеллекта обнаруживает свою производность.

Дэвид У. Бейтс, профессор риторики Калифорнийского университета в Беркли, давно работает на пересечении истории науки, исследований техники и истории когнитивных представлений. Его более ранние книги *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France* [Bates, 2002] и *States of War: Enlightenment Origins of the Political* [Bates, 2011] уже показывали устойчивый интерес Бейтса к внутренним напряжениям рациональности модерна – к тому, как ошибка, порядок, политическое решение, суверенность и техническая организация знания становятся философски значимыми формами описания человека и общества. Новая монография продолжает эту линию, но переносит ее в область исторической реконструкции разума. Бейтс рассматривает интеллект как исторически изменчивую конфигурацию, в которой соединяются телесная автоматичность, техническая экстериоризация человеческих функций и автономия. Последнюю он понимает как способность приостанавливать сложившиеся схемы действия и вырабатывать новые нормы в ситуации неопределенности.

Для эпистемологического дискурса эта книга важна потому, что она смещает разговор об искусственном интеллекте из сферы технoэтической реакции в область анализа условий познания. Бейтс показывает, что интеллект не может быть адекватно понят, если рассматривать его либо как внутреннее свойство субъекта, либо как функциональную способность системы к вычислению. Машина в его книге оказывается особой эпистемической фигурой, через которую разум описывает собственную организацию, границы и возможность автономного действия. В этом смысле монография соотносится с линией исследований, представленной Ж.-П. Дюпюи, Н. Кэтрин Хейлз, Э. Кларком, Д. Чалмерсом, Б. Стиглером, Ж. Симондоном и А. Леруа-Гураном, но отличается от них более длинной историко-философской дугой: от картезианской физиологии и раннемодерновой проблемы автомата до машинного обучения и предиктивной обработки. Одновременно Бейтс не скрывает, что работает преимущественно внутри западной традиции философии и истории науки – от картезианской и кантовской проблематики разума до англо-американской кибернетики и французской философии техники, – и прямо позиционирует свою книгу как внутреннюю критику западной рациональности [Ibid., p. 9–12].

Бейтс подчеркивает, что предлагает «не историю автоматичности, не историю ИИ и вообще не историю чего-либо» [Bates, 2024, p. 6].

Эта формула не является риторическим отказом от историчности. Скорее, она обозначает отказ от линейной генеалогии, в которой современный искусственный интеллект выводился бы из ряда технических предшественников. Бейтс строит не хронологию изобретений, а траекторию проблем. Его интересует не то, как машины постепенно стали «умнее», а то, как менялись сами описания человеческого мышления: в разные исторические моменты оно понималось как машинное, органическое, автоматическое, пластичное, технически расширенное, а также как способное в критический момент приостановить собственные автоматизмы и перейти к новой норме действия. Поэтому книга движется через философские тексты, физиологические теории, психофизику, термодинамику, антропологию техники, кибернетику и когнитивную науку, не превращая ни одну из этих областей в единственное объяснительное основание.

Центральная напряженность монографии задается парой понятий «автономия» и «автоматичность». Бейтс исходит из того, что современная когнитивная наука и нейронауки все чаще описывают человека как систему автоматических процессов, информационной обработки, нейронного предсказания и бессознательной регуляции. В этой перспективе автономия субъекта кажется либо иллюзией, либо вторичным эффектом более глубоких автоматизмов. Гуманитарная же критика, как показывает Бейтс, зачастую развивает две достаточно уязвимые позиции – либо начиная защищать «человеческое» так, будто оно только теперь лишь подверглось угрозе, либо обращается к языку ценностей, который сам нуждается в дополнительном обосновании. Бейтс выбирает другой путь. Его интересует не спасение человеческой автономии от автоматизма, а возможность увидеть автономию как эффект сложной и многогранной истории автоматических, телесных, технических и символических связей. Отсюда и возникает радикальная и достаточно полемическая мысль: «естественного интеллекта не существует; весь интеллект искусственен» [Bates, 2024, p. 13]. Но здесь важно не считывать ее слишком буквально. Бейтс предлагает более тонкую интерпретацию человеческого, снимая представление о чистом природном разуме. Человеческое мышление, с точки зрения автора, с самого начала организовывалось множеством посредников-медиаторов, и поэтому оно не имеет какого-то «естественного ядра», которое можно было бы противопоставить машине.

Первый смысловой пласт книги связан с рассмотрением идей Декарта. Однако здесь автор уходит от ожидаемой апелляции к «картезианскому дуализму», фокусируя внимание на его описании тела как сложного самодействующего автомата, напоминающего систему внутренней регуляции. В трактате о человеке и в физиологических сочинениях Декарт описывает тело как сложный автомат, чья нервная система перерабатывает внешние воздействия, кодирует их

и организует ответные действия. Здесь Бейтс обнаруживает раннюю форму того, что можно назвать кибернетической интуицией: тело не просто приводится в движение внешними силами, оно управляет собой через внутренние потоки сигналов, память, привычку и интеграцию сенсорных данных [Bates, 2024, p. 20–25]. Такой ход можно соотнести с историко-научной реконструкцией Дж. Рискин, для которой раннемодерновая машина никогда не была только образом мертвой механики: вокруг автоматов, животных и живых тел постоянно велся спор о том, может ли механизм обладать внутренней активностью, чувствительностью и подобием агентности [Riskin, 2016].

Именно поэтому картезианская душа у Бейтса не выступает простым сверхмеханическим остатком. Она важна как фигура прерывания. Если тело уже мыслится как «корпоральная когниция», то чистый интеллект не управляет им извне, как суверен управляет механизмом. Его функция состоит в возможности разорвать автоматические сцепления ощущения, памяти, воображения и аффекта. В анализе воска, в суждении о людях за окном, в описании страстей Бейтс видит не отвлеченную метафизику субъекта, а эпистемологическую сцену, где мышление появляется как способность схватывать отношение, не данное телесному коду непосредственно [Bates, 2024, p. 26–29]. Отсюда возникает важная для всей книги мысль: автономия не предшествует автоматичности, она появляется внутри автоматической организации тела как возможность задержки, переописания и решения.

Гоббс и Спиноза позволяют Бейтсу показать, что раннемодерновая механизация разума не сводилась к редукции мышления к вычислению. В случае Гоббса обычно вспоминают тезис о рассуждении как счете, но Бейтса интересует более широкая логика искусственности. Имена, знаки, политическое тело, гражданский порядок образуют искусственные системы, в которых человеческая рациональность получает устойчивость. Государство как «искусственный человек» у Гоббса становится не просто метафорой власти, а моделью того, как разум нуждается в материально-знаковой организации, выходящей за пределы индивидуального мозга [Ibid., p. 33–36]. У Спинозы, напротив, ключевым становится отказ от представления о внешней свободе. Мышление связано с телесной организацией, а метод превращает ум в «духовный автомат», действующий по собственным законам. Это не уничтожает свободу, но переводит ее в плоскость адекватности, формирования и переориентации аффективно-телесных автоматизмов.

Лейбниц в этой реконструкции оказывается фигурой «автоматической гармонии». Бейтс показывает, что знаменитое учение о предустановленной гармонии можно читать не только как метафизическую доктрину, но и как попытку мыслить согласованность органического, механического и духовного порядков. Лейбницевская

монада не нуждается во внешнем механическом воздействии, но это не делает ее антимашинной. Напротив, душа и тело оказываются двумя способами организации порядка, каждый из которых обладает собственным автоматизмом. Человек, в отличие от простой машины, способен понимать порядок и создавать искусственные системы, в которых этот порядок получает материальное выражение [Bates, 2024, p. 49–60]. Здесь формируется важнейшая для Бейтса тема: техника не возникает после мышления как его инструмент, она становится способом, с помощью которого мышление выводит собственные операции в мир.

Юм и Кант задают следующую фазу этой истории. У Юма Бейтс видит решительный подрыв раннемодерновой уверенности в том, что разум способен обнаружить в мире порядок, аналогичный порядку человеческого замысла. В *Dialogues Concerning Natural Religion* мысль и интеллект оказываются лишь одними из «пружин» универсума, а не привилегированным ключом к его устройству. Юмовская критика причинности и субстанциального субъекта тем самым получает у Бейтса физиолого-эпистемологическое измерение: разум слаб, привычка сильна, воображение связывает идеи до всякого рационального контроля. Но эта слабость разума не просто скептический тупик. Она выявляет искусственный характер рациональности, которая должна быть сформирована, поддержана и внешне закреплена, чтобы противостоять естественной инерции аффектов и ассоциаций [Ibid., p. 69–73].

Кант у Бейтса занимает пороговое положение. С одной стороны, критическая философия систематизирует автоматические условия познания: формы чувственности, категории рассудка, синтетическое единство апперцепции, регулятивные функции разума. С другой стороны, именно у Канта особенно остро встает вопрос о спонтанности, суждении и нормативности. Бейтс обращает внимание на кантовскую формулу человека как, возможно, «самого искусственного» существа [Ibid., p. 80]. Это чрезвычайно показательно. Кантовский субъект не может быть сведен к машине, но и не является природной непосредственностью. Его познание формируется через сложную систему способностей, а рефлектирующая способность суждения действует там, где нет заранее данной закономерности. Поэтому кантовская автономия для Бейтса не отменяет автоматизм познания, а обнаруживает возможность нормы там, где автоматизм не дает готового правила [Ibid., p. 83–98]. В этой точке книга особенно близка Кангилему, у которого организм способен устанавливать новые нормы в ответ на изменение среды и собственные патологические состояния [Canguilhem, 1991]. Поэтому кантовская проблема суждения у Бейтса получает биофилософский смысл: автономия оказывается связанной не с выходом из автоматизма, а со способностью живой системы переопределять условия собственного функционирования.

Вторая большая линия монографии связана с XIX в., индустриальной машиной и экспериментальными науками о теле. Бэббидж и Лавлейс появляются у Бейтса не как предшественники компьютера в популярной истории техники, а как фигуры новой эпистемологии операций. Разностная машина Бэббиджа возникает из проблемы ошибки в математических таблицах. Механизация вычисления должна устранить ненадежное человеческое звено, но тем самым она делает видимым сам процесс рациональной операции. Аналитическая машина важна еще больше, поскольку отделяет вычисление от конкретной задачи и превращает операцию в программируемую структуру. Бейтс показывает, что здесь машина становится моделью не столько ума вообще, сколько формальной организации анализа [Bates, 2024, p. 108–115].

Лавлейс у Бейтса играет решающую роль потому, что она видит в машине «науку операций». Ее знаменитая формула о том, что аналитическая машина «ткет алгебраические узоры», у Бейтса получает глубокий смысл. Машина связывает материальное и символическое, порядок движения и порядок знака. Но Лавлейс идет дальше технического описания. Ее мечта об «исчислении нервной системы» показывает, что машинная модель анализа почти сразу возвращается к вопросу о мозге, нервах и физиологии мышления. Так Бейтс фиксирует характерный для XIX в. круг: машина создается как инструмент рационализации, затем становится моделью для понимания мыслительного процесса, а после этого стимулирует новые попытки описать мозг как систему операций [Ibid., p. 115–116].

Психофизика, физиология, логические машины и термодинамика позволяют Бейтсу расширить эту линию. В центре оказывается проблема бессознательного основания сознательного рассуждения. Если логические машины Джевонса или Марканда демонстрируют возможность автоматизации отдельных процедур вывода, то творческая догадка, гипотеза и внезапное понимание остаются не вполне механизируемыми. Поэтому у Бейтса важны не только машины логического вывода, но и Пирс с его абдукцией, Гельмгольц с анализом научного прозрения, психофизиологи, пытавшиеся объяснить переход от нервного процесса к интеллектуальной форме. Машина здесь не закрывает проблему мышления, а делает ее более точной: если рассуждение можно частично автоматизировать, то где возникает разрыв, благодаря которому появляется новая гипотеза?

Термодинамический материал книги особенно продуктивен для эпистемологии. Бейтс связывает энергетические модели, теорию регуляции, телеграфные и промышленные системы с вопросом о точках неопределенности. У Максвелла и в более широком термодинамическом контексте его интересуют «сингулярные точки», где малое вмешательство способно изменить ход процесса [Ibid., p. 125–130]. Эта тема явно перекликается с более ранней проблемой решения.

Человеческий разум не противопоставляется природе как чистая свобода; он действует в тех местах, где автоматический порядок допускает развилку. Поэтому интеллект в книге Бейтса все чаще мыслится как способность распознавать момент, когда система еще не закрыта.

Физиология мозга и эволюционные теории XIX в. усиливают эту перспективу. Бейтс подробно показывает, как локализационные теории мозга, исследования пластичности, идеи компенсации повреждений, понятия привычки и высших центров создают новый образ человека. Мозг мыслится как динамическая, обучаемая и уязвимая система, чья организация не исчерпывается врожденной структурой. В этом контексте культура и техника становятся не надстройкой над природой, а условием формирования человеческих способностей. Капповская теория органопроекции, дарвиновская тема орудия, размышления о письме и печати подводят Бейтса к идее технической экстериоризации: человек познает себя через вынесение своих функций наружу, но это «наружу» обратно перестраивает его внутреннюю организацию [Bates, 2024, p. 141–151].

Третья проблемная зона книги связана с кризисом органического порядка в первой половине XX в. Здесь появляются фон Икскюль, Лотка, Жак Лафитт, философская антропология, Кассирер, Шелер, Хайдеггер, Плеснер. Бейтс не превращает этот массив в отдельную историю биологии или антропологии. Его интересует вопрос о том, как живое и техническое начинают пониматься через общую проблему организации. Так, у фон Икскюля живое существо не укладывается в образ механизма, потому что оно существует не просто в физическом окружении, а в мире значимостей – в собственном Umwelt. Одновременно Лотка позволяет Бейтсу иначе сформулировать сам вопрос о технике: человеческие орудия и машины теперь выступают продолжением эволюции уже за пределами собственно организма, образуя особый экзосоматический режим существования. И уже у Лафитта эта идея получает развитие. Машина, выходя за границы инструментальной функции, перестраивает саму среду человеческого существования.

Философская антропология нужна Бейтсу не как готовый ответ на вопрос «что есть человек», а в качестве дискурса, где этот вопрос заново формулируется в ситуации разрушения прежних метафизических оснований. У Кассирера человек определяется через символическую форму; у Шелера – через дистанцию по отношению к среде; у Хайдеггера – через различие мира и окружения; у Плеснера – через эксцентрическое положение живого существа, которое не совпадает с самим собой. Существенно, что уже во всех этих теоретических конструкциях человек мыслится как существо, способное вынести себя в актах существования за пределы непосредственной исключительно биологической регуляции. Но Бейтс и здесь добавляет

новую контекстуальную оптику считывания традиции философской антропологии, которая сопрягается им с историей машин, знаков, орудий и технических посредников. Поэтому человеческая «исключительность» у него перестает быть только антропологическим свойством. Она формируется в долгом диалоге человека с тем, что он сам изготавливает.

Обращение Бейтса к Витгенштейну выполняет в композиции книги переходную функцию: после анализа философской антропологии оно подводит рассуждение к кибернетике через вопрос о критериях, по которым мы приписываем мышление тому или иному агенту. Рассматривая отдельные фрагменты Zettel, Бейтс показывает, что мысль не является автономным внутренним актом, а укоренена во внешней практике и формах употребления. Соответственно, мышление оказывается распределено между телом, речью, навыком и ситуацией. Это позволяет сформулировать вопрос о критериях мышления: какие практики дают основание приписывать кому-либо или чему-либо способность мыслить.

Кибернетика в реконструкции Бейтса не сводится к редукции организма к машине. Напротив, она оказывается областью, где машина начинает мыслиться через адаптацию, обратную связь, целеполагание, ошибку и патологию. В этом отношении автор оказывается близок к Э. Пикерингу, который описывал кибернетику как особую экспериментальную культуру работы с непредсказуемыми, адаптивными и не полностью контролируемыми системами [Pickering, 2010]. Норберт Винер, Уоррен Маккаллок, Уолтер Питтс, У. Росс Эшби, Джон фон Нейман образуют у Бейтса единое поле напряжений. Кибернетика, отмечает автор, действительно стирает различия между животным, человеком и машиной на языке информации, но при этом вынуждена заниматься сбоями, пределами, перегрузками, ошибками и способностью системы удерживать переменные в жизнеспособных пределах [Bates, 2024, p. 234–255]. Здесь особенно уместна параллель с Н. Кэтрин Хейлз, показавшей, что постгуманистская конфигурация субъекта формируется именно тогда, когда информация начинает мыслиться как относительно независимая от конкретного телесного носителя [Hayles, 1999]. Однако у Бейтса этот кибернетический сдвиг не ведет к исчезновению тела: напротив, тело, машина и знак образуют исторически изменчивую систему, внутри которой заново ставится вопрос об автономии.

Тьюринг занимает в книге место, далекое от привычной схемы «машина может мыслить». Бейтс подчеркивает, что Тьюринг не сводил мышление к вычислению в грубом смысле. Его интересовала возможность построить машину, способную обучаться, ошибаться, менять поведение и выходить за пределы дисциплинированной процедуры. Бейтс цитирует важную формулу Тьюринга: интеллектуальное поведение, вероятно, состоит в «отклонении от полностью

дисциплинированного поведения, вовлеченного в вычисление, но в довольно небольшом отклонении» [Bates, 2024, p. 266]. Это одно из ключевых мест монографии. Интеллект определяется не чистой свободой и не полной программностью, а малым, но существенным отклонением внутри формализованного порядка вычислительной процедуры. Поэтому машина Тьюринга, обучение, случайность, ошибка заключения, внешнее вмешательство и формирование привычек становятся для Бейтса более важными, чем имитационная игра сама по себе [Ibid., p. 268–287].

Последняя часть книги выводит этот анализ к экзосоматической и техногенетической перспективе. Ликлайдер и Энгельбарт у Бейтса важны в качестве мыслителей симбиоза человека и машины. Так, проект усиления интеллекта у Энгельбарта описывается как система, где человек, язык, артефакты и методы образуют функциональное целое. В таком контексте «расширенный разум» Кларка и Чалмерса получает более глубокое историческое обоснование [Clark, Chalmers, 1998]. Бейтс фактически показывает, что расширение разума не является поздним открытием аналитической философии сознания. Оно имеет длинную историю, в которой письмо, печать, логические машины, вычислительные устройства и социальные техники постепенно формировали само представление о том, где проходит граница мышления.

Леруа-Гуран становится одной из центральных фигур этой финальной траектории. Его теория жеста, речи и технической экстериоризации [Leroi-Gourhan, 1993] позволяет Бейтсу описать человека как существо, чья когнитивная история неотделима от орудий, языка, памяти и внешних носителей. Освобождение руки, развитие орудия, символизация и внешнее хранение опыта переводят человеческую эволюцию из чисто биологического времени в историческое [Bates, 2024, p. 311–321]. Разумность здесь формируется в самой связке мозга, руки, орудия, знака и коллективной памяти. В этом моменте можно увидеть идейную перекличку с теорией материального вовлечения Л. Малафуриса, согласно которой вещи участвуют в самой сборке когнитивных операций [Malafouris, 2013]. Кроме того, становится очевидно сближение Бейтса со Стиглером, для которого техника является условием антропогенеза, поскольку внешние носители памяти создают особый слой наследования, не сводимый ни к биологии, ни к индивидуальному опыту [Stiegler, 1994]. Посвящение книги памяти Стиглера в этом отношении не случайно: вся монография может быть прочитана как историческое развертывание тезиса о технической конституции человеческого времени и мышления.

В финале Бейтс обращается к сетевой эпохе, нейронным сетям, машинному обучению и предиктивной обработке. Но и здесь он избегает привычной драматургии «новой эпохи ИИ». Современное машинное обучение для него – не разрыв с прежней историей,

а очередной момент, когда человек через техническую систему переосмысляет собственный интеллект. В версии предиктивной обработки А. Кларка восприятие и действие предстают как динамика ожиданий, коррекции ошибок и активного взаимодействия организма со средой [Clark, 2016]. Именно здесь Бейтс делает существенную оговорку: интеллект не исчерпывается минимизацией ошибки, так как человеческое мышление, определив какую-либо ситуацию как кризисную, оказывается способно сменить сам модус действия и тем самым изменить набор действующих норм.

Вообще Бейтсу удается успешно балансировать между гуманистической идеей абсолютно свободного разума и вычислительной редукцией мышления. С одной стороны, он показывает, что, к примеру, машины выступали одним из исторических условий возникновения мысли. С другой стороны, автор не растворяет в них мысль, которая может выходить из «автоматической связки», создавая новые формы.

Сильной стороной монографии является также отказ от простой критики технологического разума. Бейтс не стремится показать, что современный ИИ является ложным, опасным или антигуманным потому, что машина «не человек». Его аргументация тоньше. Он утверждает, что сама идея «человека» уже исторически сформирована через машины, поэтому защита человеческого от машинного часто опирается на фикцию чистой природности. Но отсюда не следует капитуляция перед автоматизацией. Напротив, если человеческая автономия всегда формировалась внутри технических систем, то критика цифровой эпохи должна спрашивать не о том, как вернуться к дотехническому субъекту, а о том, какие формы технической организации сохраняют способность к решению, ошибке, воображению и созданию новых норм. В этом пункте Бейтс оказывается близок не столько к популярной философии ИИ, сколько к традиции Кангилема, Симондона и Стиглера, где техника и жизнь анализируются через норму, индивидуацию и историческую открытость [Canguilhem, 1991; Simondon, 2017; Stiegler, 1994].

Однако разговор о книге требует и ряда критических оговорок. Первая связана с методологической самоидентификацией книги. Бейтс настойчиво заявляет, что пишет «не историю», а траекторию сцеплений, и эта установка освобождает его от линейности. Но временами она оставляет не до конца проясненными критерии отбора материала. Читатель понимает, почему в книге необходимы Декарт, Кант, Бэббидж, Тьюринг и Леруа-Гуран, но отдельные переходы между фигурами выглядят скорее концептуально убедительными, чем историографически доказанными. Это не разрушает аргументацию, поскольку Бейтс честно признает фрагментарность и избирательность своего проекта [Bates, 2024, p. 12]. Тем не менее для историка науки такой способ выстраивания исследовательского нарратива может показаться слишком свободным.

Вторая оговорка касается нормативной стороны книги. Бейтс убедительно показывает, что автономия должна быть переосмыслена как способность устанавливать нормы внутри автоматических систем. Но вопрос о том, как практически различать человеческую нормотворческую автономию и сложную адаптивность машинных систем, остается открытым. Ссылка на ошибку, прерывание, кризис и решение философски продуктивна, но она нуждается в более строгом различении. Современные системы машинного обучения также работают с ошибкой, перестройкой весов, адаптацией и неполной предсказуемостью. Поэтому требуется дополнительный критерий, позволяющий отличить статистическую перенастройку от нормативного решения. Бейтс опосредованно подходит к этому различию через темы кризиса, будущего и отказа от уже действующей нормы, но оставляет его скорее в форме авторской интуиции, чем развернуто определенного критерия.

Итак, «Искусственная история естественного интеллекта: мышление с машинами от Декарта до цифровой эпохи» является значимым историко-эпистемологическим исследованием. Дэвид У. Бейтс, опираясь на вехи рационального дискурса модерна и значимые антропологические концепты, переосмысляет положение человека и само понятие «естественной интеллектуальности». Книга дает методологический инструментарий для осмысления как ныне модного технофеномена искусственного интеллекта, так и оснований человеческого мышления, позволяя по-новому, через призму генезиса исторических форм знания, взглянуть на его структуру.

Список литературы / References

Bates, 2002 – Bates, D.W. *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.

Bates, 2011 – Bates, D.W. *States of War: Enlightenment Origins of the Political*. New York: Columbia University Press, 2011. https://doi.org/10.7312/columbia/9780231158053.001.0001

Bates, 2024 – Bates, D.W. *An Artificial History of Natural Intelligence: Thinking with Machines from Descartes to the Digital Age*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2024. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226832111.001.0001

Canguilhem, 1991 – Canguilhem, G. *The Normal and the Pathological*. New York: Zone Books, 1991.

Clark, 2016 – Clark, A. *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2016. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190217013.001.0001

Clark, Chalmers, 1998 – Clark, A. & Chalmers, D.J. “The Extended Mind”, *Analysis*, 1998, vol. 58, no. 1, pp. 7–19. https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7

Hayles, 1999 – Hayles, N.K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1999. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226321394.001.0001

Leroi-Gourhan, 1993 – Leroi-Gourhan, A. *Gesture and Speech*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 1993.

Malafouris, 2013 – Malafouris, L. *How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2013. https://doi.org/10.7551/mitpress/9476.001.0001

Pickering, 2010 – Pickering, A. *The Cybernetic Brain: Sketches of Another Future*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2010. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226667928.001.0001

Riskin, 2016 – Riskin, J. *The Restless Clock: A History of the Centuries-Long Argument over What Makes Living Things Tick*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226303086.001.0001

Simondon, 2017 – Simondon, G. *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017.

Stiegler, 1994 – Stiegler, B. *La technique et le temps, 1: La faute d'Épiméthée*. Paris: Galilée, 1994.